

УДК [331.556.2 + 314.7"742"]:316.4.051.2
JEL R23

Н. Н. Жидкевич, Ю. М. Плюснин, А. А. Позаненко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

nzhidkevich@hse.ru, jplusnin@hse.ru, apozenenko@hse.ru

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ОТХОДНИЧЕСТВЕ КАК ПРЕЕМСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Внутренняя временная трудовая миграция – феномен инициативного вынужденного периодического выезда людей на заработки из мест, где практически исчез рынок труда, в экономически развитые регионы. Эксперты дают разные оценки распространенности явления, однако большинством признается существенное влияние его, с одной стороны, на рынок труда и, с другой стороны, на многие социально-экономические процессы в российской провинции. Масштабы и многоаспектность проблемы работы на выезде делают ее актуальной как для ученых, так и для государства. Однако феномен вследствие своей неучтенности в официальной статистике исследован фрагментарно, в отличие от более «видимых» трансграничных и маятниковых перемещений. По той же причине деятельность таких мигрантов никак не регулируется государством. Наблюдение этого особого типа трудовой миграции позволило ученым зафиксировать существенные совпадения в характеристиках внутренних временных трудовых мигрантов и исторических крестьян-отходников. В то же время феномен и нового, и исторического отходничества по своим признакам подобен советскому выездному «шабашничеству». Статья посвящена анализу современного российского отходничества как преемственного способа жизнеобеспечения в провинции.

Ключевые слова: внутренняя временная трудовая миграция, отходники, шабашники, модели жизнеобеспечения, периферия, неформальная занятость.

Исследование феномена современного отходничества

Массовая потеря рабочих мест и резкое снижение реального уровня дохода, вызванные системным кризисом 1990-х гг., заставили российских провинциальных жителей искать способы адаптации к трансформировавшейся экономической системе. Одной из распространенных форм «подстраивания» населения под новые условия стал особый вид трудовой миграции – самодельный вынужденный временный выезд людей на заработки из мест, где практически исчез рынок труда, в экономически развитые регионы.

Комплексное исследование современного отходничества было проведено в рамках проектов Ю. М. Плюснина «Отходники в малых городах России» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники») и «Отходники в малых городах» (по гранту РГНФ), 2011–2013 гг. (при участии Н. Н. Жидкевич и А. А. Позаненко). Результатом работы стала наша монография «Отходники» [1], а также совместная статья «Отходничество как новый фактор общественной жизни» [2]. В работах даны оценки распространенности явления, описана структура современного отходничества, трудовое поведение индивида, политический статус отходника, в общих чертах приведен социальный портрет отходника. Также проведены параллели между историческим и современным отходничеством, показана историческая преемственность

Жидкевич Н. Н., Плюснин Ю. М., Позаненко А. А. К вопросу о современном отходничестве как преемственной модели жизнеобеспечения российской периферии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 132–142.

явления. В рамках данного исследования принципиальная идея о возрождении традиции отходничества принадлежит Ю. М. Плюснину: он высказывал это предположение еще до выхода монографии [3; 4].

Данное исследование стало первым комплексным и наиболее полным изучением феномена отходничества. Его результаты являются базой для данной статьи; в ней, в свою очередь, предпринимается попытка дополнить позиции, изложенные в монографии, освещением взглядов на современное отходничество и его историческую преемственность других исследователей – демографов, экономистов, социальных географов.

Современные исследователи приходят к выводу о том, что внутренняя временная трудовая миграция по своим признакам напоминает отходничество – временный уход крестьян на заработки в дореволюционное и раннесоветское время. Дореволюционное и раннесоветское отходничество полно и подробно описано имперскими, советскими и современными исследователями. Подробные обзоры литературы сделаны О. В. Смуровой [5; 6] и в нашей монографии. Сравнение исторического отходничества с современным показывает совпадение их определяющих признаков – вынужденности, инициативности, характера труда отходника, «распределенности» [7. С. 73] его образа жизни. В совокупности с существенными совпадениями в социально-экономических характеристиках современных и исторических трудовых мигрантов это позволяет предположить, что на некоторых территориях не просто появилось, а именно возобновилось традиционное отходничество [8; 9; 3]. О таких трудовых мигрантах стали говорить, как о современных отходниках (см., например: [9–14]). Наши полевые исследования показали, что не только ученые, но и некоторые трудовые мигранты сами себя называют «отходниками», утверждая, что они стали заниматься отхожим промыслом, как делали их деды и прадеды. Такой же термин употребили еще в конце 1980-х гг. исследователи, описывавшие сезонных рабочих-строителей («шабашников») (см., например: [15; 16]). Использование этого понятия разными исследователями в разные годы подчеркивает единообразие процессов, имевших место до 30-х гг. XX в. и возобновившихся в последней его четверти.

Воспроизведение модели отходничества в конце XX – начале XXI века

В российском государстве проблема территориальных диспропорций в спросе на труд и его предложении существует уже несколько столетий. В имперские времена нужда заставляла крестьян искать дополнительный заработок там, где требовались рабочие руки и где пользовалась спросом произведенная ими продукция, т. е. преимущественно в крупных городах. Крепостное право, в свою очередь, обуславливало невозможность их полного переселения. В поисках заработка крестьяне (реже – мещане) уходили из своих сел и малых городов на сельскохозяйственные работы в другие местности или на неземледельческие работы в город, а также в целях изготовления и сбыта продукции на месте (см., например: [17–19]). Такое явление получило название «отхожий промысел», или «отходничество». Соответственно, крестьян, занятых отхожим промыслом, называли «отходниками». Просуществовав несколько столетий, в 30-х гг. XX в. отходничество как таковое практически прекратилось вследствие прикрепления крестьян к колхозам [20; 4].

В условиях нового «закрепощения» проблема трудовых диспропорций в СССР стала решаться разными методами (комсомольский призыв, введение северных и прочих надбавочных коэффициентов, и т. д.). Самодеятельное отходничество было трансформировано в организованный набор (оргнабор) – систему государственного перераспределения трудовых ресурсов. Однако данная система не могла обеспечивать абсолютного равновесия на рынке труда [21]. В 1960-е гг. распространение получили временные трудовые миграции, шедшие нелегально, «в обход» государства [22; 15; 16; 23]. Чаще всего на неофициальные сезонные работы, как правило строительство, выезжали жители трудоизбыточных районов Кавказа, Западной Украины, Молдавии. Подработка, прозванная в народе «шабашкой», выполняла не только производственную, но и социальную функцию: «шабашниками» становились, в первую очередь, наиболее предприимчивые люди, желавшие повысить свое благосостояние, не меняя места жительства [16; 23]. По своей сути явление продолжило традиции исторического отходничества (об этом же см. [8]).

В 1990-е гг., вследствие административных и финансовых препонов «шабашники» вынуждены были изменить свою модель поведения. Кому-то удалось осесть в России, кто-то продолжил ездить, но уже с существенно большими сроками чередующихся работы и отдыха, кто-то вовсе перестал выезжать на заработки. Однако сохранявшиеся диспропорции в развитии территорий и отраслей производства, обуславливающие существование неклассовых социальных неравенств [24], вследствие перестроения социально-экономической системы российского государства, только усилились. Это привело к очередному повышению потребности в движении рабочей силы.

В свою очередь, сжатие рынков труда периферии страны привело к тому, что в провинции начались процессы массовой потери рабочих мест и резкого снижения реального уровня дохода. Все это обеспечило повышение предложения труда. Либерализация жизни и трансформация экономической системы открыли возможности для внутрироссийской трудовой мобильности [25; 9]. Кризис спровоцировал возрождение иных, самодельных [26; 27], по сути своей архаичных [28] моделей жизнеобеспечения. Значительная часть россиян была «вытолкнута» в находящуюся вне государства и вне рынка, «эксплолярную» [29. С. 12] экономику. Многие вынуждены были искать заработка «на стороне», прежде всего, на рынках труда Москвы, Подмосковья, Санкт-Петербурга и других крупных российских городов, а также нефтегазодобывающих регионов (об этом же см. [8; 9]). В современной России, как и сто лет назад, основным центром притяжения рабочих рук оказался столичный город. Но если раньше им был Петербург, то теперь, с переносом столицы, главный рынок труда страны – московский.

Таким образом, кризис, заставивший население приспосабливаться к новым условиям, спровоцировал появление волны нового «отходничества» или «шабашничества». Фиксируемый демографами спад миграционного оттока в города в эти годы говорит о факте постепенной замены «постоянных» внутренних миграций временными [30].

Прежде всего от безработицы пострадали жители малых и средних городов европейской части Центральной России. В небольших городах предприятия достаточно быстро обанкротились и закрылись, в то время как в сельской местности длительное время продолжали функционировать колхозы и совхозы, что обеспечило относительное равновесие на местных рынках труда (об этом же см. [31]). Но постепенно нарушились и они. Вынужденные поиски заработков в южных регионах были подстегнуты модернизацией сельского хозяйства: предприятия, использующие современные технологии, работают сезонно или не требуют большого числа рабочих рук (см., например: [12; 14]). В последнее десятилетие отходничество затронуло восток страны, хотя изначально в Сибири вследствие более равномерной развитости ее экономики во временных трудовых миграциях не было нужды, и демографами фиксировалось отсутствие подобных тенденций [32]. Таким образом, в последнее время отходничество более равномерно распределяется по территории российской периферии и увеличивается в масштабах. Если в 1990-е гг. явление было скорее очаговым, то после экономического кризиса 1998 г. отъезд на заработки стал массовым (об этом же см. [26]). В начале 2000-х гг. специалисты по миграции оценивали общую численность внутренних временных трудовых мигрантов в 3 млн человек [33]. В последние годы в количественных исследованиях фиксируются невысокие значения. Например, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ в 2011 г. работника на выезде имели 9,8 % домохозяйств¹; с учетом маятниковых миграций доля отходников оказывается совсем не высокой. Приводятся и другие оценки, также весьма скромные – 2,2 % занятого населения (в 2012 г.) [34. С. 31]. Однако такие оценки кажутся нам существенно заниженными. Представляется, что статистические методы слабо «прощупывают» явления, характерные преимущественно для российской глубинки. Кроме того, нужно учитывать, что часть отходников занята в теневом секторе экономики, и они, вероятно, предпочли бы скрыть информацию о своей трудовой деятельности. По оценкам одного из авторов, в на-

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

стоящее время до 20 миллионов – из приблизительно 50 миллионов – российских семей живут за счет таких миграций [3; 4]. Из приводившихся это максимальные оценки, и мы допускаем, что явление это не столь масштабно. И все же, судя по нашим непосредственным наблюдениям в регионах, распространенность явления очень широка. Контраст между впечатлениями от «размаха» отходничества, фиксируемого на местах, и «сдержанностью» статистических данных отмечался и другими исследователями [8].

С увеличением объема потоки внутренних временных трудовых мигрантов профессионально дифференцировались. Российская безработица носит преимущественно структурный характер [35], и столицы и крупные города нуждаются в работниках физического труда – в строителях, торговцах, водителях и дальнобойщиках, охранниках. В этом плане за столетие ничего не изменилось: как сейчас, так и прежде работа отходников носит наемный и промышленный характер. Труд отходников, пользуясь все возрастающим спросом, становится основной моделью жизнеобеспечения российского провинциального населения. По своей распространенности явление отъезда на заработки в современной России оказывается сопоставимым с историческим отходничеством (об этом же см. [30; 37]).

На уровне выживания или от хорошего к лучшему?

Описывая современное отходничество, исследователи отмечают две, как может показаться, противоположные тенденции. Отходниками становятся из-за: 1) острой нужды, невозможности прокормить и обеспечить семью (см., например: [12]); 2) желания повысить благосостояние, уровень жизни (см., например: [38]) (что роднит новое отходничество с советским «шабашничеством»).

Разрешение противоречия видится в разнесении этих двух мотивов по двум разным временным промежуткам – в кризисные годы и в годы стабилизации (в середине 2000-х гг.). Кризис определил необходимость отъезда на заработки по причине нужды, и, хотя благосостояние отходников с годами выросло, под влиянием закона возвышения потребностей причиной для них остается все та же «нужда». «Трудовая миграция, возникшая как форма адаптации населения к новым социально-экономическим условиям, стала не только действенным средством предупреждения бедности, что особенно актуально для малых городов России, но и постепенно превратилась в реальный и эффективный способ повышения уровня жизни и благосостояния для определенной части экономически активного населения» [38. С. 830]. Впрочем, в части регионов трудовые мигранты получают заработок, который незначительно превышает тот, который они могли бы получать по месту жительства, но достается он им с меньшими усилиями (например, при работе в охране). В то же время в ряде случаев труд отходников может приносить доход, размеры которого позволяют называть их основой нарождающегося в провинции среднего класса [26]. Примечателен пример отходников Дагестана, где «погоня» за отходническим доходом и соответствующим престижем создает эффект «снежного кома» [37]: конкуренция за более высокие статусные позиции заставляет людей вкладывать все большие и большие средства в обустройство и облагораживание своего домохозяйства. Желая не отставать от других, в поездки на заработки втягиваются и те, кто раньше довольствовался доходом по месту жительства.

Однако на принятие решения о регулярном выезде на заработки оказывают влияние не только соображения нужды. Иногда, даже имея возможности приемлемого по доходу трудоустройства в своем населенном пункте, люди уезжают на заработки – часто не столь прибыльные – из-за того, что не хотят быть «в подчинении» у своих односельчан, так как это, по их мнению, понижает их социальный статус [37; 39]. Еще один вариант – попадание некоторых отходников в «ловушку свободного времени». Они привыкают к тому, что до половины (а в некоторых случаях и больше) дней в году им можно отдыхать, и не хотят возвращаться к нормальному ежедневному труду по месту жительства, если такая возможность вдруг подворачивается [14].

Так или иначе, заработок отходников позволяет им жить в достатке и комфорте (об этом же см. [33; 26; 8; 9]). Большинство отходников тратят заработанные деньги по месту жительства, где существенно выше их реальная покупательная способность [9]. Как правило, основными статьями расходов новоиспеченного отходника становится автомобиль, ремонт жилья

и высшее образование детей (об этом же см. [8]). Опыт жизни в крупном городе отходник приносит домой, изменяя сельские стандарты поведения и потребления. Тем самым внутренняя временная трудовая миграция напрямую влияет на процессы современной урбанизации. Если допустить, что социальный статус в современной России определяется преимущественно уровнем материального благополучия [40], то легко объяснить высокие статусные позиции отходников в местном обществе. Точно так же столетие назад крестьяне-отходники становились наиболее прогрессивными людьми на селе и в плане достатка (выражавшегося в масштабном строительстве, покупке новоизобретенных предметов обихода, приобретении модной и комфортной городской одежды и т. д., и т. п.), и в плане культурных представлений.

Отходник как объект государственной политики

Тогда как в имперской России люди, занимавшиеся отхожим промыслом, были не только подробно описаны научным сообществом, но и видимы и учтены государством, проблема современного отходничества практически не обсуждается на государственном уровне [41; 42; 8]. То же самое наблюдалось и относительно «шабашничества»: советское государство как бы «не видело» ненормированный рабочий день, низкий уровень условий труда и быта и сверхзаработки трудовых мигрантов: ведь их самодеятельный труд без лишних проблем и затрат выравнивал социально-экономические диспропорции трудонедостаточных и трудоизбыточных районов страны [16]. Правда, масштабы «шабашничества» несравнимы с масштабами исторического и современного отходничества.

Государство должно было бы быть заинтересовано в деятельности отходников, ведь их выездная работа позволяет заполнять вакансии, более полно используя собственные трудовые ресурсы [9]. В то же время стабильными заработками трудовые мигранты обеспечивают платежеспособный спрос, тем самым прямо влияя на развитие местного бизнеса и, соответственно, экономики муниципалитета. Однако ни слова о внутренних временных трудовых мигрантах нет, например, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны [43]. Констатируя существование теневого рынка труда², государство практически не предпринимает попыток не только регулировать, но и просто «видеть» феномен отходничества. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрено развитие разных форм временной пространственной мобильности³, однако это никак не конкретизируется и реального содействия такому развитию в данный момент не наблюдается. Причина невнимания к феномену кроется в недостатке учетной информации. Он обусловлен не улавливаемым статистикой временным характером выездной работы, а также неофициальным и полуофициальным статусом большей части российских отходников. Государство просто не знает о существовании столь масштабной группы. В то же время можно предположить, что даже в случае осведомленности государства саморегулирование явления позволяет ему не прилагать к решению вопроса особых усилий, ведь потребность государства в отходничестве как в средстве регулирования спроса и предложения труда в трудоизбыточных и трудонедостаточных регионах, а также как в способе снятия социальной напряженности очевидна.

Невмешательство государства в установившееся равновесие потворствует появлению и усугублению многочисленных социальных проблем. Негативное воздействие отходничества на самого отходника связано с беспорядком, с тяжелым и не всегда безопасным трудом, недружелюбной средой по месту работы (наши респонденты не раз указывали на проблемы с милицией, «кидалово», отъем заработанных денег местными бандитами и убийства на этой почве). В то же время отходничество часто влечет ухудшение семейных отношений (вплоть до распада семей), пробелы в воспитании детей, частичное «выпадение» отходника из социальной среды своего населенного пункта.

² Второе пленарное заседание: социальная сфера в поиске денег и идей // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [сайт]. 3 апреля 2013. URL: <http://www.hse.ru/news/extraordinary/79252003.html> (дата обращения: 02.03.2015).

³ Абзац 4 подпункта «в» пункта 24 Концепции.

Так или иначе, обсуждение проблемы современного отходничества находится в повестке дня. Варианты регулирования его разнообразны – от поддержки этого явления, эффективно снижающего напряженность на рынке труда, мерами государственной политики (см., например: [45]) (соблюдение нормальных условий труда, равная оплата за труд и проч.), до путей возвращения отходников «домой» (см., например: [14]). Следует учитывать, что политика государства в отношении отходников должна быть разумной и гибкой: лишнее усердие может нарушить равновесие, которое уже в течение третьего десятка лет устраивает и отходников, и их работодателей. Отходники солидарны в том, что самая тяжелая, опасная и неблагоприятная работа всегда лучше, чем ничего.

Традиционное отходничество крестьян на заработки оказалось устойчивой моделью жизнеобеспечения. Исчезнув всего на четыре десятилетия, в последней четверти XX в. оно самостоятельно возродилось в виде выездного «шабашничества», а в начале XXI в. снова стало для провинциального населения одним из главных источников средств к существованию. Большинство авторов признается значительное влияние исторического отходничества на экономические, социальные, культурные и политические процессы в провинции того времени. Благодаря деятельности крестьян-отходников существенно повышалось благосостояние отдельных домохозяйств. Отходники, возвращаясь из города в село, выступали культуртрегерами, привнося не только новые материалы, продукты и технологии, но и культурные и политические представления. Исследования современного отходничества показывают, что новые отходники аккуратно воспроизводят процессы, шедшие на рубеже XIX–XX вв. Изучение отходничества с учетом его многовекового опыта необходимо для разумного регулирования этого важного социально-экономического явления.

Список литературы

1. Плюснин Ю. М., Заусаева Я. Д., Жидкевич Н. Н., Позаненко А. А. Отходники / Науч. ред.: С. Г. Кордонский. М.: Новый хронограф, 2013. 376 с.
2. Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России: Социология, этнология. 2015. Т. 24, № 1. С. 35–71.
3. Скалон В. А. Неучтенные потоки. Интервью с Ю. М. Плюсниним // Эксперт. 14–20 марта 2011. № 10 (744). С. 44–46.
4. Плюснин Ю. М. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 240–256.
5. Смурова О. В. Изучение отхода крестьян на заработки в дореволюционный период и первые десятилетия советской власти // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. 2005. № 2 (12). С. 36–38.
6. Смурова О. В. Тематика, методология и методы исследований отходничества постсоветского периода // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. 2006. № 2 (14). С. 39–42.
7. Кордонский С. Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
8. White A. Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // Europe-Asia Studies, Vol. 59. No. 6 (September, 2007). P. 887–911.
9. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Россия перед лицом демографических вызовов: Докл. о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. М.: UNDP, 2009. С. 80–96.
10. Фадеева О. П. Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 2. С. 61–92.
11. Плюснин Ю. М., Кордонский С. Г., Скалон В. А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.
12. Великий П. П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
13. Калугина З. И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 115–135.
14. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.

15. *Исламов О. Р., Травин В. В.* Отходничество: социологическое исследование трудовых ресурсов Чечено-Ингушетии // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 46–49.
16. *Шабанова М. А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 55–63.
17. *Жбанков Д. Н.* Бабья сторона: статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891. 139 с.
18. *Владимирский Н. Н.* Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Изд. Костромского Губстатотдела, 1927. 204 с.
19. *Смурова О. В.* Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX в.). Кострома, 2008. 203с.
20. *Андрюшин Е. А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 464 с.
21. *Кордонский С. Г.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд. М.: ОГИ, 2006. 240 с.
22. *Wädekin K.-E.* Handwerke, Baugewerbe und materielle Dienstleistungen in sowjetischen Dörfern // Sowjetstudien. 1968. No. 25. P. 38–73.
23. *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. М.:, 2008. 216 с.
24. *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
25. *Зайончковская Ж. А.* Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России: Социология, этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 22–34.
26. *Флоринская Ю. Ф., Рощина Т. Г.* Трудовая миграция из малых городов России: масштабы, направления, социальные эффекты // Демоскоп Weekly. № 175–176. 2004. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0175/analit03.php> (дата обращения 02.03.2015).
27. *White A.* Internal Migration, Identity and Livelihood Strategies in Contemporary Russia // Journal of Ethnic and Migration Studies, Vol. 35, No. 4 (April, 2009), pp. 555–573.
28. *Плюснин Ю. М.* Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 3. С. 180–192.
29. *Шанин Т.* Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 11–32.
30. *Моисеенко В. М.* Снижение масштабов внутренней миграции населения России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. № 7. С. 47–56.
31. *Калугина З. И., Фадеева О. П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. 340 с.
32. *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 40–53.
33. *Зайончковская Ж. А.* Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи, личности // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». Под общей ред. О.Д. Воробьевой. М.: Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, 2001. С. 3–27.
34. *Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К.* Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
35. *Капелюшников Р. И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 309 с.
36. *Карачурина Л. Б.* Внутривососсийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений // Экономическое развитие России. 2013. Т. 20. № 7. С. 45–49.
37. *Капустина Е. Л.* Практика сезонной трудовой миграции как механизм регулирования экономических и социальных отношений в республике Дагестан // Демоскоп Weekly. № 355–356, 2008. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php> (дата обращения 02.03.2015).
38. *Рощина Т. Г.* Трудовая миграция как фактор повышения уровня жизни населения малых городов России // Вестник РАН. 2007. Т. 77, № 9. С. 827–830.

39. Лебедушкина О. До Москвы одна ночь // Отечественные записки. 2008. № 5 (44). С. 249–256.
40. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.
41. Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. С. Артоболевского и Ж. А. Зайончковской. М.: Центр миграционных исследований, Институт географии РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2004. 212 с.
42. Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России: правовая практика / серия «Миграционная ситуация в регионах России». Выпуск 4. М.: Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2007. 82 с.
43. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.
44. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

Материал поступил в редколлегию 18.03.2015

N. N. Zhidkevich, Yu. M. Plusnin, A. A. Pozanenko

*Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

nzhidkevich@hse.ru, jplusnin@hse.ru, apozanenko@hse.ru

REVISITING THE CONTEMPORARY OTKHODNICHESTVO AS A TRADITIONAL SUBSISTENCE PATTERN IN THE RUSSIAN PROVINCE

Domestic temporary labor migration is a phenomenon of pro-active forced circular departure from home, where the labor market had collapsed, to work in economically developed regions. Experts' estimates of this phenomenon magnitude vary, but practically all of them admit its substantial impact on labor market on the one hand, and on social and economic processes in the province on the other hand. The scales and the complexity of this problem cause its importance both for the researchers and the state. However, this phenomenon is studied fragmentarily, compared to more "visible" cross-border and commuter migration: the official statistics accounting agencies don't record such a migration. Due to the same reason migrants' activity is not regulated by the state. Observations on this specific type of migration allows finding out substantial concordance of domestic temporary labor migrants' and historical peasants-otkhodniks' characteristics. At the same time, the phenomenon of both new and historical otkhodnichestvo is similar to soviet «shabashnichestvo» on its characteristics. The article deals with the analysis of the contemporary otkhodnichestvo as a traditional subsistence pattern in the Russian province.

Keywords: domestic temporary labor migration, otkhodniks, shabashniks, subsistence patterns, periphery, informal employment.

References

1. Plusnin J.M., Zausaeva Y.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. *Otkhodniki* [Wandering workers]. – Moscow: Novyj khronograf Publ., 2013, 376 p.
2. Plusnin J.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N. Otkhodnichestvo kak novyj faktor obshchestvennoj zhizni [Seasonal work (otkhodnichestvo) as a new social phenomenon in modern Russia] // *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 35-71.
3. Skalon V.A. Neuchtyonnye potoki. Interv'y u Yu.M. Plyusninym. [Unrecorded flows. Interview with J.M. Plusnin] // *Expert*. 14-20 of March, 2011, no 10 (744), pp. 44-46.

4. Plusnin J.M. Otkhodnichestvo v sovremennoj Rossii [Otkhodnichestvo in contemporary Russia] // *Otechestvennye zapiski*, 2012, no 5(50), pp. 240-256.
5. Smurova O.V. Izuchenie otkhoda krest'yan na zarabotki v dorevoljucionnyj period i pervye desyatiletija sovetskoj vlasti [A study of seasonal peasant labor migration in the pre-revolutionary period and in the first decades of the Soviet era] // *Nauchnyj vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2005, no 2 (12), pp. 36-38.
6. Smurova O.V. Tematika, metodologiya i metody issledovanij otkhodnichestva postsovetskogo perioda [Research of post-Soviet otkhodnichestvo: subject matter, methodology and methods] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2006, no 14, pp. 39-42.
7. Kordonsky S.G. Resursnoe gosudarstvo: sbornik statej [Resource state: collector of articles]. – Moscow: REGNUM Publ., 2007, 108 p.
8. White A. Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // *Europe-Asia Studies*, Vol. 59, no 6 (September, 2007), pp. 887-911.
9. Mkrtchyan N.V. *Vnutrennyaya migratsiya: velikoe proshloe i skromnoe budushee* [Domestic migration: the great past and the meager future] // *Rossiya pered litsom demograficheskikh vyzovov. Doklad o razvitiu chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federatsii 2008* [Russia face to face with demographic challenges. The report on an evolution of the human potential in the Russian Federation 2008]. Moscow: UNDP Publ., 2009. – pp. 80-96.
10. Fadeeva O.P. Neformal'naya zanyatost' v sibirskom sele [Informal employment in the Siberian rural areas] // *Economicheskaya sotsiologiya*, 2001, Vol. 2, no 2, pp. 61-92.
11. Plusnin J.M., Kordonsky S.G., Skalon V.A. *Munitsipal'naya Rossiya: obraz zhizni i obraz myslej. Opyt fenomenologicheskogo issledovaniya* [Municipal Russia: lifestyle and mentality. Phenomenological study]. – Moscow: Center for Applied research of the Local Self-government Publ., 2009, 146 p.
12. Veliky P.P. Neotkhodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoj derevni [Neotkhodnichestvo, or the superfluous people of the contemporary countryside] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no 9, pp. 44-49.
13. Kalugina Z.I. Vektor postkrizisnogo razvitiya rossijskoj derevni [Russian countryside post-crisis development vector] // *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2010, no 3, pp. 115-135.
14. Nefyodova T.G. *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoj Rossii. Otvety geografa* [Ten relevant questions about rural Russia. Geographer's answers]. – Moscow: Lenand Publ., 2013, 456 p.
15. Islamov O.R., Travin V.V. Otkhodnichestvo: sotsiologicheskoe issledovanie trudovykh resursov Checheno-Ingushetii [Otkhodnichestvo: sociological research of the workforce in Checheno-Ingushetia] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1989, no 1, pp. 46-49.
16. Shabanova M.A. Sovremennoe otkhodnichestvo kak sotsiokul'turnyj fenomen [Contemporary otkhodnichestvo as a sociocultural phenomenon] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no 4, pp. 55-63.
17. Zhbankov D.N. *Bab'ya storona: statistiko-etnograficheskij ocherk* [Women's realm: statistical and ethnographic essay] – Kostroma: Governorate printing-house Publ., 1891, 139 p.
18. Vladimirsky N.N. *Otkhod krest'yanstva Kostromskoj gubernii na zarabotki* [Engagement of peasants from the Kostroma Province in external wage earnings] – Kostroma: Kostroma governorate statistical department Publ., 1927, 204 p.
19. Smurova O.V. *Mezhdou gorodom i derevnej (obraz zhizni krest'yanina-otkhodnika vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.)* [Between city and village (way of life of a peasant otkhodnik in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. – Kostroma: Kostroma St. Technologic Univ. Publ., 2008, 203 p.
20. Andryushin E.A. *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the history of the USSR labor law and human resource policy of the Soviet government]. – Moscow: Novyj Khronograf Publ., 2012, 464 p.
21. Kordonsky S.G. *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets for power: Administrative markets of the USSR and Russia]. – Moscow: OGI Publ., 2006, 240 p.
22. Wädekin K.-E. Handwerke, Baugewerbe und materielle Dienstleistungen in sowjetischen Dörfern // *Sowjetstudien*, 1968, no 25, pp. 38-73.

23. Kordonsky S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii* [Social estates in post-Soviet Russia] – Moscow: “Obschestvennoe mnenie” Foundation Institute, 2008, 216 p.
24. Tikhonova N.E. *Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoj Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in the contemporary Russia: empirical analysis essay]. – Moscow: Institute for Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, 320 p.
25. Zajonchkovskaya Z.A. Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsial'noj modernizatsii [Domestic migration in Russia and in the USSR in the XX century as an affect of the social modernization] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, 1999, Vol. 8, no 4, pp. 22-34.
26. Florinskaya Y.F., Roschina T.G. Trudovaya migratsiya iz malykh gorodov Rossii: masshtaby, napravleniya, sotsial'nye effecty [Labor migration from small Russian towns: magnitude, destinations, and social effects] [digital resource] // *Demoskop Weekly* [site], no 175-176, October, 25 – November, 7, 2004. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0175/analit03.php> (date of access: 02.03.2015).
27. White A. Internal Migration, Identity and Livelihood Strategies in Contemporary Russia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 35, no 4 (April, 2009), pp. 555-573.
28. Plusnin J.M. Modeli zhizneobespecheniya pomorskogo naseleniya Russkogo Severa v sovremennykh usloviyakh [Current subsistence patterns of the Pomor population of the Russian North] // *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 1997, no 3, pp. 180-192.
29. Shanin T. *Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoj Rossii* [Expolyary structures and informal economy of the contemporary Russia] // *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal economy. Russia and the world] / Edited by T. Shanin. Moscow: Logos Publ., 1999, pp. 11-32.
30. Moiseenko V.M. Snizhenie masshtabov vnutrennej migratsii naseleniya Rossii: opyt otsenki dinamiki po dannym tekushego uchyota [Decrease in the scale of Russian domestic migration: estimating dynamics on the base of current statistics] // *Voprosy statistiki*, 2004, no 7, pp. 47-56.
31. Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. *Rossijskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki* [The Russian countryside in the reform labyrinth: sociological sketches]. – Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS Publ., 2009, 340 p.
32. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Potentsial prostranstvennoj mobil'nosti bezrabotnykh v Rossii [The potential for territorial mobility of the unemployed in Russia] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no 2, pp. 40-53.
33. Zajonchkovskaya Z.A. *Trudovaya migratsiya v SNG s pozitsij obschestva, sem'i, lichnosti* [Labor migration in the CIS from the perspective of the society, family, and individual] // *Migratsiya naseleniya. Vyp. 2: Trudovaya migratsiya v Rossii. Prilozhinie k zhurnalu “Migratsiya v Rossii”* [Population migration. Issue 2: Labor migration in Russia. Appendix to “Migration in Russia” journal]. Edited by O.D. Vorob'yova. – Moscow: Ministry of federation affairs and national and migration policy, 2001, pp. 3-27.
34. Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migratsiya I rynek truda* [Migration and the labor market]. – Moscow: Publishing house «Delo» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2015, 108 p.
35. Kapelyushnikov R.I. *Rossijskij rynek truda: adaptatsiya bez restructurizatsii* [Russian labor market: adapting without restructuring]. – Moscow: State University – Higher School of Economics Publ., 2001, 309 p.
36. Karachurina L.B. Vnutrirossijskaya trudovaya migratsiya: rasprostranyonnost' i geografiya peredvizhenij [Russian internal labor migration: popularity and movement geography] // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2013. Vol. 20. no 7, pp. 45-49.
37. Kapustina E.L. Praktika sezonnoj trudovoj migratsii kak mekhanizm regulirovaniya ekonomicheskikh i sotsial'nykh otnoshenij v respublike Dagestan [Seasonal labor migration as a mechanism for regulating economic and social relations in the Republic of Dagestan] [digital resource] // *Demoskop Weekly* [site], no 355-356, December, 1-14, 2008. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php> (date of access: 02.03.2015).

38. Roschina T.G. Trudovaya migratsiya kak factor povysheniya urovnya zhizni naseleniya mal'nykh gorodov Rossii [Labor migration as a driver of higher living standards in Russian small towns] // *Vestnik RAN*, 2007, Vol. 77. no 9, pp. 827-830.

39. Lebyodushkina O. Do Moskvy odna noch' [One night to Moscow] // *Otechestvennye zapiski*, 2008, no 5 (44), pp. 249-256.

40. Tikhonova N.E. *Sotsial'naya structura Rossii: teorii i real'nost'* [Russian social structure: theories and reality]. – Moscow: Novyj khronograf: Institute for Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, 408 p.

41. *Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii. Vypusk 1: Privolzhskij federal'nyj okrug* [Migration situation in Russian regions. Issue 1: Privolzhsky Federal District] / Edited by S.S. Artobolevsky and Z.A. Zajonchkovskaya. Moscow: Center for Migration Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 212 p.

42. Zajonchkovskaya Z.A., Mkrtchyan N.V. *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika* [Domestic migration in Russia: law practice] / series «Migration situation in Russian regions». Issue 4. Moscow: Center for Migration Studies, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, 82 p.

43. *Strategiya-2020: Novaya model' rosta – novaya sotsial'naya politika. Itogovyj doklad o rezul'tatakh ekspertnoj raboty po aktual'nyim problemam sotsial'no-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda* [2020-Strategy: The new growth model – the new social policy. Relevant issues of the socio-economic strategy of Russia for the period until 2020: Final report on the findings of the expert assessment]. Book 1; edited by V.A. Mau, Y.I. Kuz'minov. – Moscow: Publishing house «Delo» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2013, 430 p.

44. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Russian regions: inequality, crisis, modernization]. – Moscow: Independent Institute for Social Policy Publ., 2010, 160 p.